

З Н А К И

С У Д Ь Б Ы

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
«Знаки судьбы»

Романы Натальи Калининой

Яблоневый сад для Белоснежки
Малиновый запах надежды
Аромат колдовской свечи
Стекланный омут
Семь сокрытых душ
Ледяной поцелуй страха
Секрет черной книги

Цикл о колдунье Инге

Узор твоих снов
Девушка, прядущая судьбу
Код фортуны
Побег из страны грез

Романы Татьяны Форш

Цыганское проклятье
Призрачный бал
Тайна пиковой дамы
Черный котел
Обряд на падающую звезду
Ведьмин крест

Романы Александра Форш

Янтарный ангел
Дети жемчужной Медведицы

Александр

Форш

Дети
желтушной
Медведицы

Москва

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ф80

Художественное оформление серии
Е. Анисиной

Иллюстрация на обложке
Е. Петровой

Форш, Александр.
Ф80 Дети жемчужной Медведицы : [роман] /
Александр Форш. – Москва : Издательство «Э»,
2017. – 352 с. – (Знаки судьбы).

ISBN 978-5-04-004043-8

Алиса, покинув стены интерната «Медвежьи Озера», в котором оказалась по трагическому стечению обстоятельств, решила навсегда порвать с прошлым: уехала жить в другой город и даже изменила внешность. Однако сбежать от судьбы не удалось. Ее новый начальник, Андрей Соболев, отправил Алису с поручением туда, где она провела большую часть детства и где долгое время вокруг нее происходили загадочные преступления. И теперь, чтобы перестать прятаться и снова стать собой, ей нужно лишь заглянуть в глаза своему Страху...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-004043-8

© Белов А., текст, 2017
© Петрова Е., иллюстрация
на переплете, 2017
© Оформление.
ООО Издательство «Э», 2017

Я счастлив посвятить этот роман людям, без поддержки которых его могло бы и не быть: Нике Ёриш, Алине Лис, Молке Лазаревой, Марине Комаровой, Марии Дубининой, Софе Наумовой, Андрею Вель, Ясмине Сапфир, Светлане Матюхиной, Виктории Коноплёвой, Александре Крухмалевой, Елене Кабыченко, Евгении Кравец, Екатерине Радион, Olie Olanb, Виталию Лис, Александре Черчень, Ольге Хусаиновой, Брониславе Вонсович, Анастасии Пырченковой, Ирине Перхиной, Озоде Носифовой и Анастасии Сбродовой!

ПРОЛОГ

Нож вошел в плоть легко, с едва слышным чавкающим звуком, распоров сначала кожу, а затем и мышцы.

Слишком легко. Он даже расстроился, что не получится растянуть удовольствие как в прошлый раз.

От воспоминаний слегка закружилась голова, сладко засосало под ложечкой, рука инстинктивно дернулась, надавила на рукоять с разъявленной медвежьей пастью, вгоняя лезвие еще глубже. Заклеенный скотчем рот в алой помаде кривился, глаза жертвы расширились, зрачки же, напротив, сузились до размеров игольного ушка. В норме такого быть не должно, но ему в тот момент было не до того.

Резко выдернув нож из тела, он медленно поднес его к своему лицу и слизал со стали кровь: теплую, густую, с пряным привкусом.

Рана получилась слишком глубокой, жизнь утекала из слабого тела чересчур быстро. А у него, как назло, не было с собой нужных инструментов и препаратов для остановки кровотечения. Если они будут умирать так быстро, пропадет всякий смысл продолжать свое дело. Без удовольствия оно того не стоит.

Тело в его руках вдруг обмякло, стало тяжелым и неинтересным, как поломанная игрушка. Придется искать новую жертву. Он еще немного постоял над трупом, точно ожидая, когда же застывавший взгляд вновь станет осмысленным и живым. Но чуда не произошло. Девушка была мертва: окончательно и бесповоротно.

Снова не та! Она опять его обманула!

От удара ногой бездыханное тело скатилось в канаву с талой водой — мертвая кровь ему ни к чему, она горчит и вызывает изжогу.

ЧАСТЬ I

Медвежьи Озера

200 ... год

— **А** лиска, ты где ходишь? Тебя Горгулья обыскала. Злая как черт! Ты чего опять натворила-то? — Громогласная Нинка бежала по коридору с выпученными глазами, будто за ней гналась толпа хулиганов.

— Ничего я не творила, — буркнула девочка и отвернулась к окну, давая понять, что не желает общаться.

— Я же твоя подруга, — Нина уперлась локтями в подоконник и заглянула в лицо Алисе, — волнуюсь за тебя. Эй, ты плачешь?

— Не плачу я. — Палец с обгрызенным ногтем мазнул по мокрой щеке. — Чего ты ко мне прицепилась? Иди куда шла!

— Вот ты чудная, а! — Нина совсем не обиделась. — Говорю же Горгулья тебя ищет, вот я и прибежала сюда. Она не знает, где ты обычно прячешься, и злится. Но я-то твоя подруга, потому не сдала ей, сама пришла.

Нина Усатова никогда не была Алисе подругой, но говорила об этом постоянно, часто не к месту. Да и вообще более непохожих друг на друга людей сложно себе представить: Нина шумная, деятельная, гроза всего интерната; Алиса — тихоня, забитая серая мышка, живущая в своем собственном мирке, куда постоянным вход категорически запрещен. К тому же Нина на три года старше и по меркам интерната Алиса для нее малышня, на которую никто не обращает внимания, но тайно завидует, потому как у тех больше шансов попасть в новую семью. Усатова просто назначила Алису своей подругой, или, как говорила она сама, — взяла шефство над младшим товарищем.

— Я не кондиция, — в порыве откровения признавалась Нина. — Все хотят здорового карапуза с хорошей наследственностью. Точно мы какие-то щенки на выставке, а не люди вовсе. Они приходят: осматривают, ощупывают; улыбаются тебе в лицо, потом идут к директорисе и просят личное дело. А у меня там черным по белому написано: предки алкаши запойные, оттого и ребеночек с пороком сердца родился. Может, и я бы с ними спилась, вот только, — на этом месте Нина всегда замолкала, прикрывала глаза, силясь справиться с подступающими слезами, и лишь потом продолжала говорить, — батяня мой психованный матушку ножом запырял, прямо возле нашего дома. Труп в канаву сбросил, а сам вернулся

и спать завалился, как ни в чем не бывало. Утром проснулся весь в крови, ничего не помнит. Менты за ним пришли через неделю, да он трусом оказался, повесился, пока они дверь ломали. А ведь когда-то на «Скорой» фельдшером катался. Потом вдруг запил, его и турнули, кому алкаш на такой ответственной службе нужен. Ну начал он ремонтами по квартирам промышлять, брал небольшие шабашки, а там куда ни плюнь — нальют. Вот он и скурвился окончательно.

Я после того случая сбежала. До одиннадцати лет по подвалам и помойкам скиталась. Подворовывать начала, надо было себя как-то прокормить. Жрать я хотела постоянно, наголодалась еще при живых родителях. Ну и поймали меня однажды, притащили в детскую комнату милиции, там всю подноготную подняли и сюда определили.

Алиса понимала, но молчала. В интернат никто не попадал от хорошей жизни. И жалобы Нины не вызывали у нее никакого сочувствия. Саму историю она слышала сотню раз, но Нину не перебивала, знала — той нужно выговориться.

— Шухер! Горгулья! — Нина так резко потянула Алису вниз, что та не удержалась и упала на пол, больно ударившись коленкой. Еще и занозу, кажется, посадила.

Эта часть здания была давно заброшена. Когда-то здесь начинали делать ремонт, но

то ли денег не хватило, то ли еще по какой причине, но все работы прекратились и вход в крыло заколотили досками. Воспитанникам строжайше запретили даже приближаться к закрытому помещению. Правда, со временем любопытные мальчишки оторвали доски и все же проникли на запретную территорию. Но ничего интересного не обнаружили: на полу необструганные доски, по двум сторонам коридора несколько распахнутых дверей, за которыми располагались точно такие же комнаты, как и в противоположном крыле, только неблагоустроенные, заваленные строительным мусором и битым стеклом. Второй раз ремонт затеяли год назад и ничем хорошим это не закончилось.

— Ты придурочная? — Алиса зашипела от боли. — Силы рассчитывать нужно!

— Там Горгулья внизу, — пошла в контрнаступление Усатова. — Если увидит нас здесь, в карцер засунет. Тебе оно надо?

Алиса замотала головой. О карцере в интернате рассказывали шепотом, после отбоя вместо страшилок. С каждым разом истории обростали новыми подробностями — одна кровожаднее другой. И лишь Алиса точно знала, что в карцере очень холодно. Там нет окон, и когда за тобой закрывают дверь, комната погружается в полную темноту, наполненную жуткими звуками, шорохами и едва различимыми голосами.

Однажды она рискнула рассказать об этом в своей группе, но ее тут же подняли на смех.

— Хватит сочинять, Маркина! — дразнил ее Колька Верещагин: задира и драчун. — Ты даже близко к карцеру не подойдешь, сразу в трусы надуешь.

Дети обидно хохотали и тыкали пальцами. Девочка не выдержала и бросилась на Кольку с кулаками. Он даже не успел среагировать, когда щуплая Алиса повалила его на пол и принялась хлестать по щекам ладошками.

— Такая же психованная, как твой полумный брат! — кричал Колька, размазывая по лицу слезы и сопли, пока воспитатель оттаскивала от него брыкающуюся девочку. — Тебе самое место с ним в психушке! Собака бешеная!

Кольку вскоре перевели в другой интернат, а остальные воспитанники, ставшие свидетелями драки, присмирели и не рисковали вступать в конфликт с Алисой. С ней вообще никто не хотел больше общаться, кроме приставучей Нинки.

— Чего застыла, Маркина? Вроде нет никого. Пойдем. — Нина выглянула в общий коридор и махнула рукой, приглашая следовать за ней. — Горгуля вернется, скажем, что сами ее давно ожидаем.

Алиса почувствовала что-то вроде благодарности к громкой и неуклюжей Усатовой, даже улыбнуться попробовала, только Нинка уже по-

вернулась к ней спиной и ничего не увидела. Может, оно и к лучшему.

Кабинет директрисы интерната Галины Георгиевны не был заперт, но девочки замерли возле и не решались войти.

— Вот что, Алиска, — напутствовала Нина, — ты давай успокойся, не съест же она тебя в конце концов. Если что, я рядом, кричи.

Слова поддержки были совершенно бесполезными. Кто она против разъяренной Горгульи? Пустое место. У Алисы дрожали коленки, бурлило в животе и, кажется, начинало тошнить. А подлая Нинка еще взяла и постучала в дверь. Сама же уселась на стул и неумело перекрестила воздух перед застывшей Алисой. Ну точно придурочная!

— Здравсте, — почти шепотом сказала Алиса, шагнув и увидев в кабинете милиционера вместо директрисы.

Милиционер сидел возле стола Горгульи, на коленях у него лежала синяя папка, а на ней фуражка с блестящим гербом.

— Проходи, Алиса. — Милиционер встал, заметив попытку девочки покинуть помещение. — Ты ведь Алиса?

Она кивнула, чувствуя, как пол уплывает из-под ног. Время словно повернулось вспять, и вот она стоит в том же кабинете ровно год назад, и точно такой же милиционер задает вопросы, которые превращают кровь в колючие льдинки. Календарь на стене упрямо твердил:

она заблуждается! Но Алиса не верила календарю, боялась повторения прошлого.

— Почему ты плачешь? — Милиционер присел на корточки, заглянул в глаза. Торопливо достал из кармана помятый носовой платок и протянул ей.

Лицо мужчины плыло и изменялось. Кажется, у того прежнего были усы и борода. А еще взгляд: холодный, неприветливый. Злой взгляд был. Теперь на нее смотрели улыбающиеся глаза темно-серого цвета, на гладко выбритых щеках алел румянец. Но страх никуда не ушел.

— Усатова, ты Маркину не видела? Битый час ее ищут! — Громкий голос Горгульи, чуть приглушенный разделяющей их дверью, как ни странно, придал Алисе уверенности, прогнал серые призраки воспоминаний.

Ответа Нинки Алиса не услышала. Директриса ввалилась в кабинет, сразу заняв половину всего пространства своим могучим телом.

— Так ты здесь, мерзавка этакая! Теперь тебя наконец заберут отсюда. Всю кровь ты мне выпила.

Директриса схватила со стола какие-то бумаги и принялась обмахивать ими красное, потное лицо. Жидкая рыжая челка прилипла ко лбу, тонкие искусанные губы сжались в нитку. Горгулья тяжело дышала, отчего стала похожа на огромную селедку, выброшенную на берег.